

*Библиотека
филолога*

А.В. ФЕДОРОВ

ВВЕДЕНИЕ
В ТЕОРИЮ
ПЕРЕВОДА

А. В. ФЕДОРОВ

ВВЕДЕНИЕ В ТЕОРИЮ ПЕРЕВОДА

(Лингвистические проблемы)

Издание 2-е, переработанное

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛИТЕРАТУРЫ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ
МОСКВА 1958

Редактор
кандидат филологических наук
И. И. Ревзин

ПРЕДИСЛОВИЕ

к о второму изданию

Книга «Введение в теорию перевода» вышла в свет первым изданием осенью 1953 г. За время, прошедшее с тех пор, интерес к теоретическим вопросам перевода у критиков, филологов и у самих переводчиков не ослабевал: в 1954—1957 гг. опубликован ряд работ, посвященных переводу, в том числе три книги и большое количество статей. Совершенствовалось и само переводческое искусство: вышли в свет новые ценные переводы. Продолжалось исследование и тех языковых явлений, которые имеют непосредственную связь с темой книги. Все это сделало необходимым существенный пересмотр книги, внесение многих дополнений, поправок, уточнение формулировок и даже полную переработку некоторых ее разделов — с учетом многочисленных критических замечаний, которые были высказаны как в печати¹, так и на обсуждениях, организованных Секцией переводчиков Союза писателей СССР в Москве (май 1954 г.) и Ленинграде (октябрь 1954 г.).

Самые основные возражения, сделанные мне в нашей критике, сводились к указанию на то, что в первом издании книги неправомерно расширена компетенция лингвистики в вопросах перевода, в особенности перевода художественного, что о последнем вообще

¹ Книга вызвала две большие статьи-рецензии (Н. И. Ф е л ь д а н — см. журнал «Вопросы языкознания», 1954, № 2, стр. 117—127; Л. Б о р о в о г о — см. альманах «Дружба народов», 1954, № 4, стр. 249—253, под заглавием «Поэтика перевода»), а также отдельные отклики в статьях на темы перевода (см., в частности, сборник статей «Вопросы художественного перевода». Изд-во «Советский писатель», М., 1955, стр. 9, 103, 152, 171). Из зарубежных откликов мне известны на немецком языке: реферативная статья П е т е р а Б р а н г а „Das Problem der Übersetzung in sowjetischer Sicht“ в журнале „Sprachforum“ (Köln), 1955, Heft 2; рецензия в журнале „Zeitschrift für slawische Philologie“ (Frankfurt a. Main), 1956, Bd. XXIV, Heft 2; на итальянском языке: в журнале «Rassegna sovetica» (Roma), 1956, Juglio—Aug., anno 7, № 4.

сказано мало и что вопрос о нём поставлен слишком узко, обеднен. Эти возражения содержатся и в рецензии Н. И. Фельдман, написанной в лингвистическом же плане. Очевидно, что для подобного упрека дали основание чрезмерно решительные формулировки первого издания, касающиеся важности языковедческого подхода к проблеме. Категоричность этих формулировок, видимо, заслонила все, говорившееся и в первом издании о многосторонности изучения, которого требует перевод, и о возможности разных путей его изучения, отнюдь не исключающих друг друга. Вопрос о соотношении лингвистического пути исследования перевода с другими путями его рассмотрения подробнее обсуждается в первой главе книги в новой ее редакции. Здесь же хочу подчеркнуть, что, отдавая должное важности и интересу литературоведческих и прежде всего историко-литературных задач в изучении художественного перевода, я в этой своей книге занимаюсь именно лингвистической стороной вопроса, которая еще и недостаточно исследована и недостаточно систематизирована; разработка же ее представляет необходимый этап в построении теории перевода, как комплексной общефилологической дисциплины. Создание такой дисциплины предполагает еще многочисленные специальные исследования, в том числе — исследования конкретных языковых вопросов, всегда возникающих в связи с переводом (и с переводом художественным также). Вот почему свое «Введение в теорию перевода» автор и мыслит как одну из таких подготовительных работ и строит ее преимущественно в языковедческом разрезе.

Кроме большого числа замечаний, с которыми автор согласился полностью или частично и которые тем самым сыграли для него положительную роль, в некоторых откликах на первое издание было, однако, и нечто такое, с чем автор никак согласиться не может. Это — недооценка языковых вопросов перевода, в частности перевода художественного. Противники лингвистического подхода к проблеме пользуются такими доводами, как отсутствие твердых, постоянных, прямолинейных соответствий между двумя языками (особенно при передаче произведений художественной литературы) или как необходимость ограничивать круг наблюдений каждый раз только парой определенных языков¹. Подобные доводы представляются неубедительными. Ведь именно лингвист никогда не признаёт возможности установления каких-то незыблемых и независи-

¹ См. И. К а ш к и н. О методе и школе советского художественного перевода. — «Знамя», 1954, № 10, стр. 152.

мых от контекста соответствий между двумя языками (кроме многочисленных простейших случаев, относящихся главным образом к области терминологии, к географической номенклатуре и т. п.), и задача теоретического изучения перевода состоит в выяснении соответствий гораздо более сложных, разветвленных, зыбких и в обобщении наблюдений над разнообразнейшими случаями. Что касается необходимости наблюдений над парами определенных языков, то, во-первых, они сами по себе должны представить интерес и ценность, поскольку помогут ближе и точнее познать характер их соотношений (а это важно и практически), а, во-вторых, на основе наблюдений над разными парами разных языков делаются возможные более широкие обобщения, касающиеся как близкородственных, так и односистемных или даже разносистемных языков.

Возражая против языковедческого направления в работе о переводе, сторонники литературоведческого подхода ставят и знак равенства между лингвистическими задачами теории и наивным переводческим буквализмом на практике¹. С такой аргументацией тоже нельзя согласиться: интерес к языковой форме литературного произведения сам по себе не равнозначен формализму и буквализму, а углубленный лингвистический подход к средствам выражения в двух разных языках как раз и должен гарантировать от буквалистских ошибок, легко возможных на практике при недостаточной теоретической искушенности в области языка. Именно отсутствием такой искушенности объясняется неправильные и неудачные переводческие приемы (вроде педантического соблюдения корневого значения какого-либо слова или вещественного смысла отдельных элементов идиомы и т. п.), против которых совершенно справедливо возражал, например, И. А. Кашкин.

Язык в любом переводе (и в художественном также) — отнюдь не только вспомогательное средство работы. Всякая задача, разрешаемая в переводе (идейно-познавательная — применительно к научной литературе, идейно-эстетическая — применительно к литературе художественной), разрешается только языковыми средствами. Разумеется, идейно правильное истолкование подлинника, проникновение в его художественное своеобразие, высокая культура переводчика — все это необходимые предпосылки для решения задачи, но средство ее решения (не самоцель, конечно) — это язык. Пусть он будет подчинен определенному художественному или идейному

¹ См. И. К а ш к и н. О методе и школе советского художественного перевода. — «Знамя», 1954, № 10, стр. 150.

замыслу, но сам по себе он представляет материал чрезвычайно богатый и вместе с тем и чрезвычайно сложный. И поскольку в переводе, в отличие от оригинального литературного произведения, не встают такие задачи, как поиски темы и героя, как создание сюжета, как композиционное построение и т. п., постольку работа над языком становится основной и единственной сферой, в которой разворачивается творчество переводчика, как истолкователя и выразителя авторского замысла. Образы подлинника, выраженные определенными языковыми средствами, могут быть переданы, «перевыражены» в переводе только с помощью определенных же (пусть во многих случаях формально далеких) средств другого языка. Тем самым не только для практики перевода, но — тем более — и для теории его является необходимостью глубокая лингвистическая основа, знание закономерностей, существующих в отношении между определенными языками.

Существование этих закономерностей подтверждается и таким фактом, как опыты машинного перевода, успешно проводившиеся в течение последних четырех лет как за рубежом, так и в нашей стране. В связи с ними еще более расширился круг вопросов, с которыми переплетается тема перевода в разных ее аспектах. Если, с одной стороны, перевод художественной литературы, перевод как искусство, требует постановки ряда специальных вопросов из области литературоведения и эстетики (в настоящей книге не затрагиваемых), то, с другой стороны, машинный перевод (текстов преимущественно делового и научно-технического содержания) заставляет обратиться к вопросам лингвистической статистики, к области, пограничной между лингвистикой и математикой. Эта область тоже остается незатронутой в настоящей книге. И для того, чтобы у читателя не создалось впечатления случайного пробела в системе лингвистических сведений о переводе, необходимо разъяснение. Машинный перевод — область не только новая, впервые разрабатываемая в истории науки и техники, но также область чрезвычайно специальная и специфическая. Сфера целесообразного применения машинного перевода неизбежно ограничена, а самое применение его требует особой обработки языкового материала, приспособления его к определенным техническим требованиям¹. И дело не только

¹ Это прекрасно показано в статье О. С. Кулагиной и И. А. Мельчука «Машинный перевод с французского языка на русский». — «Вопросы языкознания», 1956, № 5. См. также Д. Ю. Павлов, А. А. Ляпунов, И. С. Мухин. Автоматизация перевода с одного языка на другой. Изд-во Акад. наук СССР, 1956.

в границах применимости машинного перевода и степени его целесообразности по отношению к текстам разного содержания и на разных языках (уже и сейчас, по-видимому, можно утверждать, что он и более реален и имеет больший практический смысл для текстов деловых и технических и что — даже независимо от степени осуществимости — он нецелесообразен для литературы художественной¹). Дело в том, что задача машинного перевода, основанного на языковых закономерностях, требующего научных лингвистических знаний, сама выходит за пределы лингвистики, требуя для своего осуществления особой техники, специальных математических и инженерных условий. Даже перевод сравнительно простого текста требует огромной подготовительной работы². Вот почему, ставя в центр внимания перевод как языковую проблему и воздерживаясь здесь от решения специально литературоведческих вопросов художественного перевода, как искусства, автор отказывается и от специального рассмотрения противоположной проблемы — перевода, как техники, как автоматизированного процесса. Собственно же языковая проблематика перевода берется в широких пределах, т. е. не ограничивается областью лексики и грамматики, а включает также и стилистику; более того — стилистическая сторона лингвистической проблемы перевода (и не только перевода художественного) представляется автору особенно важной и интересной. Между тем, это именно и есть та сторона переводческой задачи, которая наименее поддается (или даже вовсе не поддается) решению средствами машинного перевода³. Все это, вместе взятое, и заставляет воздержаться здесь от постановки проблемы машинного перевода, которая в работе, посвященной и без того сложному комплексу явлений, могла бы быть затронута лишь поверхностно. Разработка же теории перевода в собственно

¹ Нельзя не согласиться с Л. И. Жирковым, который в статье «Границы применимости машинного перевода» замечает: «Кому нужен машинный перевод текста Бальзака, какая и где существует реальная практическая потребность в этом?» («Вопросы языкознания», 1956, № 5, стр. 123).

² Для перевода «простейших предложений требуется программа, содержащая примерно в 2,5 раза больше команд, чем программа, необходимая для расчетов движения управляемого снаряда». См. В. П. Берков и Б. А. Ершов. «О попытках машинного перевода». — «Вопросы языкознания», 1955, № 6, стр. 146—147.

³ См. Л. И. Жирков, цит. статья, стр. 123, а также П. С. Кузнецов и др. «Основные проблемы машинного перевода», — «Вопросы языкознания», 1956, № 5, стр. 108.

лингвистическом плане вправе идти по ранее наметившимся путям и уж, разумеется, никак не исключается практикой и теорией перевода машинного.

Таким образом, основная направленность книги, как опыта лингвистического анализа проблемы перевода, осталась та же. В книгу внесен ряд композиционных изменений (это касается, в частности, раздела о художественном переводе), но основной принцип ее построения также сохранен. Он состоит в том, что в ней исследуются как задачи работы над языком, общие для всякого вида перевода, так и особенности перевода разных видов материала. Не лишнее еще раз подчеркнуть, что это — не книга о художественном переводе, как таковом (хотя ему и посвящен в ней особый раздел), что художественный перевод, являясь высшей формой переводческой деятельности, затрагивается в книге лишь как одна из частей общей проблемы перевода, правда, принципиальнейшая и сложнейшая (почему и дается краткий очерк его развития) и что из всей огромной проблемы перевода художественной литературы здесь выделены некоторые специально лингвистические вопросы, представляющиеся узловыми с точки зрения принципа переводимости.

В новом издании книги не рассматриваются вовсе специальные вопросы поэтического перевода, требующие несравненно более глубокого анализа, чем это было сделано в первом издании работы, и составляющие особую область исследования. Это, конечно, не означает, что к ним неприменим принцип переводимости. Он осуществляется и здесь, но осуществляется в сложных и специфических условиях, которые в рамках общей работы могли бы быть показаны лишь весьма бегло, а это в конечном итоге привело бы к упрощенному и неверному истолкованию очень важного специального вопроса.

Книга же в целом рассчитана прежде всего на читателей, интересующихся общетеоретическими вопросами перевода, т. е. на студентов-филологов, на преподавателей иностранных языков и лекторов тех специальных филологических дисциплин, которые связаны в той или иной форме с переводом или с сопоставлением двух языков.

Вопросы перевода рассматриваются в книге с точки зрения того общего, что они имеют в языковом разрезе, и с точки зрения той языковой специфики, которую они приобретают в применении к отдельным разновидностям перевода. Также надо подчеркнуть (как это было сделано в первом издании), что книга не

является практическим пособием по переводу или — тем менее — сборником переводческих правил. Теория — это не свodka нормативных указаний. Помощь практике со стороны теории в области перевода может и должна, как думается, заключаться прежде всего в том, чтобы нацеливать внимание переводчика на необыкновенное разнообразие языковых возможностей, приучать к поискам более широкого круга средств для разрешения каждой конкретной задачи и к пристальной сравнительной оценке этих средств в условиях данного контекста.

В книге по-прежнему используется материал переводов преимущественно на русский язык с языков французского, немецкого, английского — языков, которые, главным образом, и преподаются в педагогических институтах иностранных языков и на факультетах иностранных языков педагогических институтов и которые занимают большое место также в преподавании на филологических факультетах университетов. Ограничение материала работы кругом этих языков означает, конечно, определенное сужение сферы наблюдений, но оно было неизбежно: автор не считает себя вправе выходить за пределы материала известных ему языков, в частности, тех, в преподавании которых и в переводе с которых он располагает известным опытом. Такое ограничение представляется все же допустимым, потому что сопоставление языков односистемных служит как бы первой ступенью в исследовании сложного вопроса о соотношении между языками во всем их многообразии с точки зрения возможностей перевода.

При выборе и анализе примеров автор стремился в первую очередь выяснить положительные пути решения той или иной переводческой задачи, определить конкретные средства, с помощью которых может быть достигнут полноценный перевод. Этим и обусловливается преобладание в книге примеров положительных, в том числе — примеров сложных случаев из области художественной литературы, и то большое место, которое уделено материалу художественных переводов советского периода, в том числе — переводов последнего десятилетия.

* * *

Развитие той или иной отрасли знания на определенном этапе часто требует дальнейшей ее специализации, разветвления тех направлений, по которым следует вести исследование, чтобы получить наиболее полный результат. Вопросами перевода сейчас занимаются

не только литературоведы и лингвисты, не только историки культуры и психологи, но и математики и инженеры (в связи с машинным переводом). Это показывает, как многогранна тема в целом. Что касается перевода художественного, то мы до сих пор видели главным образом работы, рассматривавшие его без особого разграничения литературоведческих и лингвистических моментов. Эти работы принесли несомненную пользу. И естественно, что такие работы будут появляться и в дальнейшем. Но вместе с тем именно сейчас становится необходимым и более специальное исследование разных сторон проблемы — для более глубокого познания объекта (как это вообще свойственно науке). В результате ряда более специальных исследований, надо полагать, создастся почва для того, чтобы вновь подойти — но уже в углубленной форме — к постановке комплексных задач изучения перевода как художественной литературы, так и других видов материала.

Интерес к переводу и к его теории не случаен в нашей стране и в наше время. Он — показатель высокой культуры советского народа и интернационализма этой культуры. Характерен он и для многих стран народной демократии. Теоретическое изучение перевода несомненно имеет будущее. Ни одна из сторон проблемы не должна при этом выпадать из поля зрения. Существуют разные взгляды на пути исследования перевода, но эти разные взгляды сближает одно общее — интерес к проблеме и осознание ее важности. Это общее нельзя недооценивать — при всех различиях в способах исследования. И на свою книгу автор смотрит как на выполнение небольшой части одной общей и важной задачи, которая объединяет советских филологов и литературных критиков, теоретически изучающих перевод.

Андрей Федоров

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЗАДАЧИ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДА

ПОНЯТИЕ ПЕРЕВОДА КАК ФОРМЫ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБЛАСТИ ЯЗЫКА

Круг деятельности, охватываемой понятием «перевод», очень широк. Переводятся с одного языка на другой стихи, художественная проза, научные и научно-популярные книги из различнейших областей знания, дипломатические документы, деловые бумаги, статьи политических деятелей и речи ораторов, газетные материалы, беседы лиц, разговаривающих на разных языках и вынужденных прибегать к помощи посредника — «толмача». При всем своеобразии требований, предъявляемых переводчику тем или иным видом переводимого материала, при всей разнице в степени одаренности, в объеме и характере сведений, необходимых в том или ином случае, для всех видов переводческого труда общими являются два положения:

1) цель перевода — как можно ближе познакомить читателя (или слушателя), не знающего языка подлинника, с данным текстом (или содержанием устной речи);

2) перевести — значит выразить точно и полно средствами одного языка то, что уже выражено средствами другого языка в неразрывном единстве содержания и формы. (В полноте и точности передачи — отличие собственно перевода от переделки, от пересказа или от сокращенного изложения, от всякого рода так называемых «адаптаций».)

Роль языка при переводе — та же, которую он всегда играет в жизни общества: он и здесь выступает как «важнейшее средство человеческого общения»¹.

¹ См. определение языка В. И. Лениным. Соч., т. 20, изд. 4., стр. 368.

Для практики перевода отсюда вытекает конкретный вывод о необходимости такого выражения мысли подлинника в переводе, которое доносило бы ее до читателя со всей отчетливостью и полнотой, присущей ее выражению в оригинале. Отсюда же и необходимость соответствия перевода общенародной норме языка, на который сделан перевод. Таково первое условие понятности перевода, его доступности для читателя.

Содержание переводимого подлинника непосредственно и неразрывно связывается с природной материей языка, на котором он создан. У читателя, для которого родным является другой язык и который недостаточно свободно владеет языком оригинала, но все же может его читать, все мысли, все образы, вызываемые оригиналом, неизбежно переключаются в плоскость его родного языка. Вспомним в связи с этим известное замечание К. Маркса: «...новичок, научившийся иностранному языку, всегда переводит его мысленно на свой родной язык»¹.

Переводчик, в особенности переводчик-профессионал, представляет, как правило, другой тип, другую степень владения иностранным языком — ту, когда, пользуясь словами Маркса, «дух нового языка» уже усвоен и когда можно «обойтись без мысленного перевода»². Но независимо от степени свободного владения иностранным языком переводчик, по самой сущности своей работы, все время переключается с одного языка на другой.

Процесс перевода, как бы он быстро ни совершался в отдельных, особо благоприятных или просто легких случаях, неизбежно распадается на два момента. Чтобы перевести, необходимо прежде всего понять, точно уяснить, истолковать самому себе переводимое (с помощью языковых образов, т. е. уже с элементами перевода).

Далее, чтобы перевести, нужно найти, выбрать соответствующие средства выражения в том языке, на который делается перевод (слова, словосочетания, грамматические формы).

Всякое истолкование подлинника, верное или неверное,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произведения в двух томах, т. I, М., 1955, стр. 212.

² Там же.

и отношение к нему со стороны переводчика, положительное или отрицательное, имеет результатом — в ходе перевода — отбор языковых средств из состава общенародного языка.

При субъективно-пристрастном отношении к подлиннику, в случаях невольного переосмысления или сознательного его искажения, переводчик вкладывает в самый подлинник не то содержание, какое он имеет, видит в его словах (или навязывает им) не те значения, какие они объективно имеют по контексту, устанавливает между ними произвольные связи.

История перевода знает целый ряд случаев, когда подлинник переосмыслялся переводчиком или даже подвергался преднамеренным искажениям, фальсифицировался. (Это касается преимущественно художественной и общественно-политической литературы.) Практически такое переосмысление, а тем более — искажение подлинника, чаще всего затрагивавшее всю его идейно-образную структуру, проявлялось и в отборе тех, а не иных конкретных языковых средств (значений слов, форм их грамматической связи и т. п.). В этом отборе языковых средств проявляется отношение переводчика прежде всего к содержанию переводимого.

Вместе с тем мы знаем из истории литературы и из современного нам опыта советских переводов множество случаев, когда подлинник и истолковывается и передается средствами другого языка совершенно объективно. Самая возможность объективного понимания и истолкования подлинника обусловлена тем, что его идейное и художественное содержание выражено общезначимыми средствами общенародного языка, на котором он создан.

Переводчик, работающий сознательно, а не механически, ни при каких условиях не может быть безразличен к выбору языковых средств. Самая задача — объективно отобразить подлинник — вызывает стремление к отбору соответствующих средств родного языка, заинтересованность в них с точки зрения верного истолкования подлинника. Принципиально характерная черта советского перевода — его п р а в д и в о с т ь. Эта черта проявляется не только тогда, когда дело касается передачи произведений, идеологически созвучных нам или хотя бы и да-

леких от нас по' выраженному в них мировоззрению, но все же содержащих те или иные прогрессивные (хотя бы для своего времени) особенности, ценные в художественном или познавательном отношении. Она проявляется и тогда, когда переводятся (например, в газете) выступления реакционных политических деятелей стран капитализма, ораторов или журналистов из числа сторонников «холодной войны» и т. п.

Задача перевода, как ее понимают советские литераторы — ничего не ослаблять, не сглаживать, не приукрашивать. Предпосылкой для решения этой задачи является идейно правильное истолкование переводимого текста; условием ее выполнения служит правильный выбор языковых средств.

СОДЕРЖАНИЕ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

Из всего сказанного явствует, насколько сложна переводческая работа, состоящая в постоянных поисках языковых средств для выражения того единства содержания и формы, какое представляет подлинник, и в выборе между несколькими возможностями передачи. Эти поиски и этот выбор имеют в любом случае творческий характер. Что же касается художественной литературы, а также тех произведений общественно-политической литературы, которые отмечены высоким мастерством и выразительностью языка, то перевод их разрешает задачи художественные, требует литературного мастерства и относится к области искусства¹.

От перевода, как творческого процесса или как искусства, следует отличать теорию перевода, как особую научную дисциплину. Перевод всегда играл и сейчас играет огромную роль, как могущественное средство культурного, политического и экономического общения между народами. Естественно, что практически столь важная деятельность должна иметь и свою теоретическую ос-

¹ В тех случаях, когда это свойство присуще и работам из области естественных и точных наук, от переводчика также требуется определенное стилистическое мастерство, хотя переводимые оригиналы сами и не принадлежат к художественным произведениям.

нову. Задача теории перевода — проследить закономерности в соотношении между подлинником и переводом, обобщать в свете научных данных выводы из наблюдений над отдельными частными случаями перевода и помогать переводческой практике, которая могла бы руководствоваться ею в поисках нужных средств выражения и черпать в ней доводы и доказательства в пользу определенного решения конкретных вопросов.

Практическая важность теории перевода определяется необходимостью в таких объективных научно обоснованных принципах, которые исключали бы субъективный произвол переводчика и ссылки на «интуицию», как оправдание переводческого произвола. Всякая творческая деятельность нуждается в установлении закономерностей и в теоретическом обобщении, которое позволяло бы извлекать из него выводы более широкого масштаба, распространять их на целый ряд случаев, преодолевать эмпиризм, кустарные приемы работы. Не случайно то, что выдающиеся переводчики, как прошлого, так и современности, опирались и опираются на определенную систему теоретических взглядов в области перевода, связанных с их взглядами на язык, литературу, с их мировоззрением.

Научная ценность теории перевода определяется тем разнообразным интересом, который вызывает ее объект — перевод, как творческая деятельность, связанная с языком и с литературой и неизбежно предполагающая соприкосновение двух языков, передачу подлинника средствами другого языка. В связи с переводом и сопоставлением языков возникает ряд вопросов, которые не возникли бы по отношению к каждому из этих языков в отдельности и анализ которых позволяет лучше выявить специфические особенности каждого из них.

Перевод, как, впрочем, и большинство явлений в природе и в жизни и деятельности общества, представляет собой многогранный объект изучения. Вопросы перевода могут рассматриваться с различных точек зрения — историко-культурной, литературоведческой (если дело касается художественной литературы), языковедческой, психологической (поскольку работа переводчика предполагает определенные процессы, происходящие в области психической деятельности, и связана с проблемой психологии твор-

чества). При всей взаимосвязанности различных плоскостей изучения, обусловленной единством самого объекта — перевода, постоянно возникает необходимость обращать основное внимание на определенную сторону объекта изучения в большей или меньшей абстракции от остальных (как это постоянно бывает в науке).

В настоящей книге за основу берется лингвистическая (в широком смысле слова¹) сторона вопроса о переводе. Эта сторона вопроса является общей для исследования различных видов переводимого материала — даже при учете специфических различий между художественной литературой и другими видами текстов.

Поскольку перевод всегда имеет дело с языком, всегда означает работу над языком, постольку перевод непременно требует изучения в лингвистическом разрезе — в связи с вопросом о характере соотношения двух языков и их стилистических средств.

Изучение перевода даже и в литературоведческой плоскости постоянно сталкивается с необходимостью рассматривать языковые явления, анализировать и оценивать языковые средства, которыми пользовались переводчики. И это естественно: ведь содержание подлинника существует не само по себе, а только в единстве с формой, с языковыми средствами, в которых оно воплощено, и оно может быть передано при переводе тоже только с помощью языковых средств. Роль перевода для литературы той или иной страны, переосмысление или искажение подлинника в переводе — все это тоже связано с применением определенных языковых средств. Слова М. Горького о языке, как о «первоэлементе» литературы², в полной мере могут быть отнесены и к переводу. Психология перевода также имеет дело с отношением языка к мышлению, с языковыми образами. Тем самым изучение перевода в плане как истории литературы и культуры, так и психологии невозможно без изучения его языковой природы.

Лингвистический разрез в изучении перевода затрагивает самую его основу — язык, вне которого неосуществи-

¹ Т. е. включая и вопросы стилистики художественной речи.

² См. М. Горький. О литературе. Изд-во «Советский писатель», М., 1955, стр. 672.